

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии
(А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

ЯКУТСКИЕ ОЛОНХО И ЭПИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Бурцев А.А.
Судзуки Д.

Якутский героический эпос Олонхо относится к числу самых богатых и развитых образцов эпической поэзии народов мира. Этот эпос, возникший в далекой древности, занимал значительное место в жизни народа саха. Он вобрал в себя представления древних якутов о мироздании, их религиозные, морально-этические, эстетические взгляды.

У якутского народа была очень развита культура Олонхо. Народные певцы-олонхосуты ревностно защищали и берегли творения предков, содержащие накопленную веками мудрость народов. Представители якутской интеллигенции собирали олонхосутов и организовывали для населения массовые слушания. Певцы-сказители состязались в мастерстве исполнения эпических произведений. Одно из таких соревнований олонхосутов организовал в 1920-х годах в Намском районе Якутии П. Ойунский. О мастерах якутского художественного слова, олонхосутах, окруженных любовью и уважением народа, говорили так: «Они своим красноречием текущую воду в комок собирают».

Непросто определить жанровую специфику олонхо. В.Сорошевский в работе «Якуты» называл олонхо и «сказкой», и «песней», и «былиной»: «Язык сказок, песен, былин, украшенный аллитерациями, вставками, повторениями, очень труден для перевода...»^[10]. Термин «Олонхо» обозначает и общее жанровое понятие якутского эпоса, и отдельные сказания, составляющие этот жанр. Сказания Олонхо обычно называются по имени главного героя («Эр Соготох», «Эрбэхтэй Бэргэн», «Кыыс Дэбиллийэ», «Нюргун Боотур Стремительный» и т. д.) и представляют собой эпопеи в стихах, достигающие тридцати-сорока и в отдельных случаях шестидесяти тысяч строк.

Народный эпос творился веками, хранился и устно передавался в течение столетий с древнейших времен до наших дней. Даже в наше время ещё сохраняется живое исполнение якутского эпоса, кроме того выпускаются СД-диски, ставятся оперные и драматические спектакли. Как указано в республиканской целевой программе «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо», к настоящему времени собрано свыше 120 полных текстов эпических песен, более 100 сюжетов в рукописном варианте и свыше 100 кассет магнитофонных и видеозаписей Олонхо ^[8].

Олонхо также можно отнести и к крупным музыкально-эпическим произведениям, поскольку оно представляет собой своеобразную диалогическую оперу без сопровождения (наряду с песенными фрагментами, присутствуют и разговорные диалоги). Г. М. Кривошапко в своей книге «Музыкальная культура якутского народа» отмечает песенный характер Олонхо, его музыкальную природу. Действительно, песни в Олонхо занимают значительную часть произведения. Например, продолжительность полного исполнения Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, по подсчетам музыкальных исследователей, составляет 36768 стихотворных строк, в том числе речитативы — 23259 и песни — 13509 строк. Описательные и повествовательные части Олонхо декламируются речитативной скороговоркой, а индивидуальные партии всех персонажей, их диалоги передаются песнями ^[4]. Олонхо исполняют обычно лучшие певцы, хорошо владеющие искусством национального пения, своеобразной формой песенного творчества сложившейся вместе с образованием самостоятельной якутской народности.

Форма исполнения якутского эпоса заслуживает отдельного внимания. Олонхо исполняется с вечера до рассвета на протяжении приблизительно 10-12 часов. Как и у казахов, киргизов, бурят, алтайцев, калмыков, тувинцев, хакасов, у якутов живы традиции эпического песнопения.

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Эпос Олонхо, будучи высшим художественным выражением национального самосознания, неотделим от этнической истории якутов. Как и другие эпические памятники мира, якутские Олонхо представляют собой исторические воспоминания в форме идеализированной рефлексии и воплощают понимание и оценку народом своего прошлого, героические сказания о подвигах богатырей, которые являются первыми жителями Среднего мира, принадлежащего человеческому роду, выступают как родоначальники и защитники людей.

В отечественной и мировой фольклористике сложилась определенная традиция, согласно которой исследователи и комментаторы относят якутские Олонхо к архаическому типу эпической поэзии. Русский поэт В. Державин, в чьем переводе вся Россия читала олонхо П. А. Ойунского, как-то заметил, что сказание о Нюргуне Боотуре имеет глубокие корни, идущие от шумеро-вавилонского эпоса о Гильгамеше, который оказал огромное влияние на эпические памятники многих народов мира: и на греческий эпос, и на эпосы обитателей Передней Азии, Ирана, а через них — на устную поэзию народов Средней Азии.

В Олонхо нет конкретных упоминаний об истории якутского народа, описания и сюжеты окрашены элементами сверхъестественной мифологической фантастики. Как неоднократно подчеркивали В. М. Жирмунский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов, Олонхо отражает наиболее древний пласт патриархально-родовых отношений, то есть «эпическое время» исторической жизни якутов. Фактически образная система якутского эпоса строится на почве мифологических воззрений носителей культуры бронзового и раннего железного века, унаследовавших в своем сознании мировосприятие предшествующих эпох.

Олонхо отражает мифологическое самосознание якутского этноса и его утверждение в «подлунном мире». Утверждение происходит в результате разрешения мифолого-антагонистического конфликта между добрым и злым

началами, воплощаемыми в богатырях «айыы» и «абаасы». В соответствии с принципом дуализма герой обычно противоборствует с представителями «другого» мира, и это приводит к тому, что сюжеты якутских Олонхо становятся экстенсивными, многосоставными. Особенности жанровой формы являются мифолого-антагонистический конфликт, имеющий экстенсивное развертывание; сюжетно-фабульная монументальность, нравственно-эстетические противопоставления персонажей «айыы» и «абаасы», а также близкая к речитативу декламация, композиционно-контрастные антитезы тональности голосов^[5].

Космогонические представления создателей Олонхо совпадают с содержанием самых древних пластов эпоса тюрко-монгольских народов и подчеркивают божественное сотворение мира. Типологические параллели можно усмотреть в описаниях устройства мироздания. Мир представляется трехсоставным: верхний, средний и нижний. Два космических начала — небо и земля — изначально выступают в качестве единой стихии, но потом отделяются друг от друга. Такая версия подтверждается в эпических памятниках других народов, в том числе и у алтайцев, и у башкир. Как и в индийском эпосе, у якутских мифотворцев небосвод держится на подпорках. Правда, различаются они тем, что в якутском эпосе эти подпорки сделаны из монолитных глыб, каменных балок и горных утесов, а в индийской «Рикведе» высокий небосвод укрепляется горящим деревом. В индийском эпосе также присутствует образ, связывающий три сферы, — это мировое дерево, которое индусы называют ашваттха-смоковница, скандинавы — ясьень Иггдрасиль, а якуты — Аал Луук Мас.

По одной мифологической концепции, «мир, который создала триада богов, состоял сначала из неба, которое было похоже на четырехугольный коврик-тэллэх». В башкирском эпосе старики с сыновьями поселяются на небольшом клочке земли, окруженном со всех сторон морем. Почти то же самое

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

наблюдается и в якутских сказаниях. В Олонхо «Дьырыбыйа Дьырылыатта» П. П. Ядрихинского изначальная земля-мать представляла собой округлое днище кожаного жбана.

Родственные древние связи якутов с тюрко-монгольскими народами нашли свое отражение и в типологическом сходстве эпических наследий. В якутских Олонхо и бурятских улигерах богатыри спускаются с небес, чтобы стать защитниками человеческого рода. В якутских сказаниях почти полностью отсутствует мотив земного происхождения богатырей. Даже когда их прародителями назывались земные люди, те оказывались посланниками верховных правителей.

Вообще в архаической эпике герои большей частью имеют божественное происхождение или же их появление на свет происходит при необычайных обстоятельствах. Лианжа из африканского эпического цикла рождается чудесным образом из ноги матери-богатырши сразу взрослым, вместе со своим оружием, утварью и магическими предметами. Якутских богатырей, как правило, спускают с неба духи «айыы», или происходит их чудесное рождение (например, Аталам — богатырь, родившийся от хвоц-травы, которую ела его мать, «одинокая» лошадь), причем очень скоро обнаруживаются их богатырские качества. В финском эпосе ВайнямененИльмаринен и Еукахайнен рождаются у непорочной девицы, съевшей три ягоды. В нартском эпосе (эпос народов Северного Кавказа) богатырь Сосруко также чудесно рождается из оплодотворенного камня, а Батрадз выскакивает раскаленным из спины Хамыца и затем проводит детство у водяных существ в море. Грузинский богатырь Амირани, сын богини дали (по сванской версии), донашивается в желудке быка, а его божественное происхождение отмечено изображением небесных светил на его теле ^[4].

У многих индоевропейских народов архаизация эпических традиций приобретает ярко выраженный характер. Божественная родословная характерна

для героев индийской «Рамаяны» — Рама и его братья появились на свет после принятия божественного напитка. Вавилонский Гильгамеш — сын богини Нинсун, Энкиду сотворен из глины богиней Аруру, Ахиллес — сын богини Фетиды, троянец Эней — сын Афродиты, Сарпедон — Зевса. Вместе с тем герои «Махабхараты» и «Рамаяны» обладают двойной генеалогией. Как и у монгольского Гэсэр-хана, своего рода греческого Одиссея, по молитве состарившихся родителей чудесным образом рождается Манас, будущий защитник киргизского народа. Мифологические молитвы индоевропейских и семитских мифов олицетворяют союз земли и неба. Полубожественное происхождение имеют не только известные эпические герои, но и сами боги: Дионис, Аполлон, Христос, Будда, Кришна и другие. Все они восходят именно к этому типу. Вообще в ранних формах эпических повествований постоянно подчеркивается божественное, небесное происхождение героев.

Типологическое сравнение с героико-архаическими памятниками индоевропейских народов, адыгским, алтайским, бурят-монгольским эпосами, свидетельствует о том, что якутские Олонхо, бесспорно, занимают одно из ведущих мест в иерархии древних эпических традиций. Олонхо как художественно-эпическая традиция принадлежат к общему культурно-историческому наследию тюрко-монгольских народов. Поэтому в каких-то моментах возникают общие для них мотивы, сюжеты и образы. В их эпических сказаниях отражаются реальные очертания отдаленных событий, межплеменные контакты и этнические связи тюрко-монгольских народов.

На большое сходство якутского героического эпоса с эпосами других тюркских и монгольских народов неоднократно указывали многие исследователи: В. М. Жирмунский, А. П. Окладников, Е. М. Мелетинский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов и другие. Героический эпос тюркоязычных народов зародился и развивался в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во втором-первом тысячелетии до н. э. ^[6].

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Наряду с типологическими параллелями, обусловленными генетическим родством, могут иметь место типологические общности, предпосылкой возникновения которых являются сходные стадии общественно-исторического и культурного развития народов. Примером подобных историко-типологических аналогий могут служить соответствия между древнескандинавской «Старшей Эддой» и Олонхо. В эддических песнях и якутских богатырских поэмах обязательно присутствуют «свой» и «чужой» мир: с одной стороны — добрые «асы» («Эдда») и светлые «айыы» (Олонхо), с другой — злые великаны-йотуны («Эдда») и демоны «абаасы» (Олонхо). Между двумя этими полюсами происходят различные контакты и столкновения.

По мнению Е. М. Мелетинского, на якутском материале, как наиболее архаическом эпическом феномене, раскрывается смысл архетипа «одинокого» героя, не знающего своего происхождения. «Одиночество» героя оказывается следствием того, что он — первопредок или родоначальник, персонаж по своему генезису мифологический. В архаической эпике в целом культурный герой — добытчик и демиург — фигура, за некоторыми исключениями, отмирающая, хотя пережитки этого древнейшего мифологического типа совершенно очевидны.

В якутском эпосе рядом с героем-родоначальником типа Эр Соготох функционирует герой несколько иного склада — Нюргун Боотур, специально спущенный с неба в Средний мир, чтобы защитить его от демонических богатырей абаасы. Такой же характер имеют борьба сынов Калевы с хозяйкой Севера в карело-финских рунах и особенно в мифологических эддических сказаниях и песнях о борьбе Тора, этого бога-богатыря, с мировым змеем Ермунгандом и живущими по краям земли великанами-ётунами. Защита от них Асгарда и Митгарда, то есть жилища богов и «среднего отгороженного места», населенного людьми, — главная миссия Тора. Даже в тех случаях, когда подобная миссия не выражена эксплицитно, она подразумевается, если речь идет о борьбе с чудовищами, подчиненными Эрмеку - хозяину преисподней, —

у алтайцев, с мангадхаями в бурятских улигерах или великанами в нартском эпосе, с драконами в сказании об Амирани, с демонической птицей Зу, небесным быком или чудовищем Хум-баба в шумеро-аккадском эпосе.

Для архаической эпики типична сугубо мифологическая фигура «матери» или «хозяйки» демонических богатырей. Такова старая шаманка абаасы, старуха-куропатка — мать чудовищ у алтайцев, «лебединые старухи» у хакасов, безобразная мангадхайка у бурят, хозяйка Севера — Лоухи в «Калевале».

В эпической поэзии многих народов представлен образ богатырской девы, возникший на бытовых отношениях периода матриархата и получивший широкое распространение, в частности, в кельтском (Айфе, Медб, Эмер) и немецком (Кримхильда, Брюнхильда) героическом эпосе. В якутских Олонхо образ воинствующей женщины нашел воплощение в героинях типа Кыыс Нюргун, Кыыс Туйгун, Кыыс Дэбиллийэ.

Великаны и хтонические чудовища выступают в архаическом эпосе иногда как хранители огня, небесных светил, культурных растений и чудесных предметов, но гораздо чаще — как военные противники, похитители женщин и разрушители, в общем как представители хаоса, борющиеся против космоса. Существ, подобных «абаасы», представляющих «нижний мир», можно обнаружить и в более поздних эпико-мифологических памятниках, в частности, в древнегреческой мифологии. Это циклопы и лестригоны, в том числе Полифем, вождь циклопов, пожирающий спутников Одиссея, который, кстати, имеет божественное происхождение.

Еще одной частотной фигурой в архаических текстах является чудесный кузнец. Сказания о волшебных кузнецах восходят к начальной стадии развития обработки металлов, когда кузнечное дело было особенно ценимо и окружено суеверными представлениями. В якутском эпосе это образ чудесного кузнеца Кудай Бахсы, в древнегреческом — образ Гефеста, в древнескандинавском — Велунда.

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Наряду с классическими чертами, характерными для архаических фольклорных памятников (параллелизмы, повторы, постоянные эпитеты, формулы и т. д.), «Эдда» и Олонхо обнаруживают ряд других поразительных совпадений. Отдельные мифологические песни «Старшей Эдды» (например, «Прорицание Вёльвы») и Олонхо («Нюргун Боотур Стремительный») содержат обширные зачины, повествующие о «ранних временах». Эти эпические прологи изображают во многом идентичный пространственно-временной антураж: картину «первотворения», своеобразный «вертикальный разрез мироздания», благословенную «среднюю землю», осененную могучим деревом изобилия (Аар Лууп — в олонхо, ясьень Иггдрасиль — в песнях «Эдды»). В якутских Олонхо мировое дерево проливает «белую благодать», образующую молочные озера, в скандинавской мифологии у его корней бьют целебные родники, а с листьев капает живительная роса. Якутское божество Улуу — Тойон, живущее у верхушки дерева Аал Луук, весьма напоминает скандинавского Одина, так же как белые шаманки, вестницы богов «айыы» поразительно напоминают валькирий из «Старшей Эдды»^[7].

Что касается сюжетов и мотивов, то тут тоже можно привести примеры, подтверждающие наличие «общих мест» в эпосе якутов и эпической поэзии народов мира. В частности, в Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», как и в немецкой «Песни о Нибелунгах», содержится мотив «героического сватовства». Истории похищения и возвращения похищенных женщин занимают огромное место в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, в эпосе народов Африки, в скандинавском (включая мифологические песни «Старшей Эдды») и ирландском эпосах.

Одной из распространенных эпических ситуаций является борьба между неузнанными братьями или отцом и сыном. Этот сюжет известен в героическом эпосе целого ряда народов: ирландском (Кухулин — Конлайх), германском (Хилтебрант — Хадубрант), персидском (Рустем - Сохраб), в якутском (Ала

Туйгун — Юрюнг Уолан). Причем в подавляющем большинстве случаев коллективный творец отдает победу отцу или старшему брату. По-видимому, такой исход представляется более драматичным и имеет характер ретардации, то есть, способствует активизации внимания воспринимающей аудитории.

Непосредственно инициационный характер имеет такие сюжетные моменты, как закалка кузнецами некоторых якутских богатырей, а в нартском эпосе — это закалка Сосруко и Батрадза, «переплясывание» Сосруко других нартов на нихасе, в «Нибелунгах» наречение валькирий именем Хельги, в ирландском эпосе получение Кухулином своего имени после убийства свирепого пса кузнеца Кулана, а также обучение его воинскому искусству под руководством Айфе, испытания, которым подвергает героев ирландский волшебник Курои, необыкновенная охотничья или воинская активность юных африканских богатырей и т. д. В тюрко-монгольском эпосе народов Сибири богатыри иногда проявляют героическую строптивость и неистовость, с энтузиазмом ищут себе «супротивников», чтобы помериться силой. То же самое относится к Амирани. Героическая строптивость доводит Батрадза, Амирани и Гильгамеша до богоборчества. Героический характер приводит к богоборчеству именно в архаической эпике, в которой, так или иначе, присутствует мифологический фон. Различные древнейшие мифологемы, лежащие в основании богоборческих эпизодов в архаических эпосах, сами по себе не связаны прямо с героическими характерами богатырей, но получают в эпических памятниках именно такую дополнительную мотивировку.

Помимо указанных важных для эпического сюжетостроения мотивов, якутскому эпосу хорошо известны и такие «мелкие», но широко распространенные, сюжетные ситуации, как «самопросватывание невесты» (по терминологии Б.Н. Путилова), мотив «плешивца» (по терминологии В.Я. Проппа), и даже мотив «живой воды».

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Следует также обратить внимание на сходство имен героев якутского и алтайского эпоса, вернее, основных, наиболее устойчивых компонентов, из которых состоят имена героев. Во многих именах богатырей алтайского эпоса имеется слово «мэргэн» — меткий. Соответственно, один из наиболее популярных героев якутского Олонхо носит имя «Эрбэхтэй Мэргэн» (вариант «Эрбэхтэх Бэргэн»). В именах многих алтайских богатырей присутствует слово «кара» — черный: «Маадай-Кара», «Баадай-Кара». «Хара» — черный — входит в имена якутских богатырей: «Ала-Хара», «Илэ-Хара». Особенно часто оно встречается в именах богатырей-чудовищ, связанных с темными силами, например, «Бюгюстээн-Хара». И в якутском, и в алтайском эпосе в именах богатырей часто встречается слово «беге» (якутское), «беке» (алтайское), означающее «силач», «сильный». Очень часто к именам героинь алтайского эпоса прибавляется слово «коо», означающее «красивая», «красавица»: «Бойдонг-коо», «Темене-коо». В каждом якутском Олонхо в имени красавицы-героини содержится слово «куо»: «Гуйарыма-Куо», «Айталыын-Куо». Общность имен героев якутского и алтайского эпоса указывают на близость этих народов и общность их древних эпических традиций в момент создания героического эпоса [7].

К архаической эпике относятся также бурятские улигеры, алтайские, тувинские, хакасские, шорские сказания, а также эпические песни народностей тунгусо-маньчжурской языковой группы. С эпическими традициями указанных этносов якутский эпос, возможно, имеет не только типологические, но и генетические связи, ведь все эти народы приняли то или иное участие в этногенезе якутов. К группе архаических памятников относят и африканские эпосы (о Лианжа Нсонго, Фараоне); карело-финские руны, из которых почетный член Петербургской Академии наук Элиас Ленрот составил знаменитую «Калевалу»; нартские сказания народов Северного Кавказа; скандинавскую «Старшую Эдду». Следы ранней формы эпоса отчетливо проступают и в таких

великих памятниках, как «Рамайна», «Одиссея», «Беовульф», «Гэсэриада». Со всеми из этих текстов якутский эпос имеет типологические параллели, проявляющиеся как в частных (т.н. «бродячих») мотивах, так и в сюжетно-композиционной и персонажной структуре повествования.

Таким образом, материал якутской эпической традиции обнаруживает многие факты типологических схождений с фольклорными памятниками народов мира. Эти факты типологических связей Олонхо с эпическими памятниками других национальных традиций являются свидетельством наличия сходных этапов в историческом развитии народов в далеком прошлом и выражением объективно существующей общности многих процессов мирового литературного развития.

Ранее сложившееся мнение об оторванности предков якутов и других народностей восточной Сибири от культурных очагов мира в последнее время стало активно пересматриваться. Известный тезис о том, что сюжеты олонхо зародились в южных степных просторах, предопределяет и другое обстоятельство: происхождение отдельных жанровых видов якутского народного творчества могло быть связано с регионами Центральной Азии и Южной Сибири. Подтверждением этого предположения служит в какой-то степени наличие в произведениях якутского фольклора так называемых «бродячих сюжетов».

Еще Г. В. Ксенофонов находил близкие аналогии в сюжетах библейских мифов о патриархе Иакове, богаче Лаване, прекрасной Рахиль, дурнушке Лилии, о вынужденном из воды Моисее, воспринятом в образе религиозного учителя и организатора культа, с одной стороны, и в якутских мифах об Омогое и Эллэе, это есть в сюжете с другой. В частности, о прибытии на плоту Эллэя, которого предания изображают культурным героем, устройтелем ысыаха и религиозного культа. Сам исследователь, поясняя это, отмечал, что «мифологические образы, подобные Эллэю, когда-то были присущи героическому эпосу очень многих

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

культурных народов Азии и Европы», «как остаток религиозных воззрений, свойственных передвижному скотоводческому хозяйству, господствовавшему в отдаленные исторические эпохи повсюду в пределах Евразийских степей»^[13].

Встречается и другой мотив, распространенный у многих народов Старого Света. Например, выпрашивание кусочка земли, которую можно покрыть бычьей кожей: кожа разрезается на ремни и ими обводится обширное пространство. На широкую распространенность этого сюжета обратил внимание в конце 19 века видный представитель «мифологической школы» В. Ф. Миллер, назвав его «всемирной сказкой». Помимо этого в якутском эпосе-олонхо есть довольно много древних восточных элементов и мотивов. Например, для устройства жизни людей по решению верховных богов с неба на землю направляется юный богатырь, с ним едет сестра. Обязательное присутствие (за редким исключением) сестры является отражением распространенного во всем древнем мире близничного мифа, который первоначально имел ограниченную, конкретную, связанную с повседневной жизнью целевую установку: объяснить происхождение дуально-родовой организации и внедрить в голову людей представления об обязательности экзогамного запрета.

В средние века у различных монгольских и тибетских племен складывается эпос о Гэсэре. По свидетельству Ч. Белла, долго жившего в Тибете, кочевники «рассказывают эпос о Гэсэре в течение многих дней, при этом не допускают ни одного повторения». Мифический кузнец — Кытай (Кыдай, редко Кудай) Бахсы уус — великий мастер (семеро братьев-кузнецов), родоначальник кузнечного ремесла, по древним якутским верованиям кузнецы и шаманы имеют общего духа-предка Кытай-бахсы. Ни один из выдающихся богатырей не обходится без помощи Кытай Бахсы: он готовит богатырское оружие, в случае необходимости закаляет богатыря в своем горне, иногда строит ему жилище. Имя означает мастер (учитель) — кузнец Киданец. Племена кытай, известные науке под названием Кидань (русская транслитерация китайского слова цидань —

самоназвание кытай) в китайских исторических хрониках упоминаются с 6 века. На протяжении веков они соприкасались с китайцами, сюнну, мохэ, тюрками, монголами и корейцами. В 9 в. разрозненные племена киданей консолидируются, в 907 г. вождь племени Ила Абуги из рода Елюй основывает империю с китайским названием Ляо, начинает династию Елюй. С этим родовым племенем мы связываем имя одного из первопредков современных якутов — Эллэй. Государство киданей в 1125 году было разгромлено чжурчжэнями (предшественниками маньчжуров). Кидане рассеялись, были поглощены чжурчжэнями, монголами и тюрками. Часть из киданей, по-видимому, присоединилась к предкам якутов, что отражено в преданиях об Омогое и Эллэе.

Далее, в олонхо «Непобедимый Мюлджю» Д. Говорова говорится о том, что на четырех сторонах огромного каменного столба начертаны в натуральную величину портреты и характеристики четырех главных богатырей эпоса. Вероятно, генетическая память поколений могла сохранить предание о древних обелисках с подробным некрологом умерших ханов. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что якутский героический эпос первоначально, в основе своей, сложился у наших предков в Центральной Азии^[13].

Общность происхождения и культуры, а также территориальная близость к тюрко-монгольским народам в период создания героического эпоса привело к генетической общности, а сходство форм общественного развития — к типологическому сходству эпоса. Факты перечисленных в работе типологических схождений олонхо с другими эпическими памятниками являются выражением объективно существующей общности многих процессов мирового литературного развития. Время, расстояние, разные социально-исторические условия, возникшие за время многовековой раздельной жизни, впоследствии привели к тому, что эпическое творчество якутов в дальнейшем развивалось другим путем. Оно стало серьезно отличаться от эпоса древних соседей, представлять другую его фазу. Сопоставление олонхо с памятниками

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

эпоса других народов по выявлению генетических общностей и типологических сходжений еще не завершено. Результаты этой долгой и сложной работы позволят не только узнать, с какими народами якуты поддерживали связь в глубокой древности и с кем сходны в своем развитии, но и помогут выявить своеобразие якутского эпоса. Необходимо отметить, что даже на самой ранней стадии развития героического эпоса достаточно отчетливо проявляется национальное своеобразие, точнее, своеобразие ареальное, этническое. Оно, в частности, проявляется в самой мере архаичности и формах ее проявления, в отражении разных хозяйственных укладов, письменных организаций, ритуально-мифологических традиций и т. п.

Отдельного исследования заслуживает и традиционный этикет исполнения якутского героического эпоса в тесной связи и сопоставлении с другими стереотипными формами коммуникативного поведения якутов. Профессор Л. Л. Габышева в статье «Этикет исполнения олонхо» указывает, что регламентированы были такие моменты, как место и время сказывания олонхо. Олонхо по традиции не могло исполняться утром или днем, обычно его сказывали ночью, точнее — с раннего вечера до предутреннего сна. Исполнение фольклорных произведений с наступлением темноты известно у многих народов, в частности у эвенов, бурят, этот же обычай соблюдался долганами, хакасами и др. ^[2]. Запреты и ограничения на время исполнения фольклорных текстов распространялись не только на определённую часть суток, но и на времена года и касались не только Олонхо. Летом, а также днем во время промысла запрещалось рассказывать сказки у хакасов, то же самое не позволялось у эвенков, кроме того у них весной нельзя было загадывать загадки. Подобные специфические ограничения на рассказывание мифов, сказок, эпоса и других фольклорных текстов широко известны во многих народных культурах, они связаны с магическими представлениями о слове и пении, с сакральным характером текста ^[2].

CULTURE AND LANGUAGE, No. 79

В проблематике якутских Олонхо гармонически сочетаются общечеловеческие и национальные идеалы. С одной стороны, в них провозглашается идея планетарного единства обитателей «срединного мира», их согласия, терпимости, толерантности. Кроме того, актуальной является идея гармонического бытия людей с окружающей природой. С другой стороны, сквозной мотив Олонхо — взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени «айыы», их стремление к мирной созидательной жизни, защита рода от поползновений «абаасы», злых демонов нижнего мира. Эти идеи перекликаются с общим пафосом литературного «койне» тюркских народов — «Надписей в честь Кюль-тегина», в которых речь шла о страстном призыве к князьям-каганам жить в мире, избегать кровавых битв, разрешать конфликты мирным путем. По большому счету обнаруживается идейное родство якутских Олонхо с памятниками древнерусской словесности, в частности со «Словом о полку Игореве», тоже содержащем призыв к собиранию земель и народов в единый союз.

Долгое время Олонхо бытовали в устной традиции. Их исполняли сказители-олонхосуты. Как было уже отмечено, описательные и повествовательные места произносились речитативом, монологи и диалоги пелись. При этом песенный состав олонхо отличался необычайным разнообразием и включал песни-заклинания, песни-призывы, песни-плачи, песни-проклятия, песни-бахвальства богатыря, песни-повеления божеств ^[3].

Не случайно современные ученые воспринимают якутские героические сказания как явление словесно-музыкального творчества. Впрочем, еще И.А. Худяков называл олонхо «зародышем народной оперы» ^[14], а В.Л. Серошевский упоминал об их ролевом исполнении ^[11]. Но наиболее полную музыкальную картину мира в Олонхо представила в своих работах известный музыковед А.П. Решетникова. По ее мнению, именно песенные разделы

Якутские олонхо и эпические памятники народов евразии (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

выделяют Олонхо среди других национальных эпосов и придают им характер уникальной эпической системы ^[9].

Совершенно очевидно, что такой уникальный культурный феномен, каковым является якутский героический эпос Олонхо, может стать важнейшим фактором, пробуждающим интерес мировой общественности к республике Саха и её народу. Духовно-нравственный потенциал этого эпоса, отражающий менталитет народа саха, соответствует общечеловеческим гуманистическим ценностям и свидетельствует о том, что якутская культура при всей своей уникальности неразрывно связана с мировой культурой. Факты, которые были приведены выше, по большому счету составляют описание имиджа якутской культуры, сложившегося в среде наиболее авторитетных ученых-филологов, фольклористов, культурологов; они помогут понять, каким образом, на каком духовном основании может случиться интеграция якутской и мировой культуры. В этом отношении совершенно необходимо уяснить место, которое занимает Олонхо в современном социокультурном пространстве.

Для древнего человека Олонхо было универсальной информационной системой, вобравшей в себя все накопленные человечеством знания. Причем последние хранились в тексте в многократно перекодированном виде, в результате чего Олонхо предстает перед нами в качестве наивной (донаучной) картины мира и в каком-то до сих пор продолжает поражать воображение исследователей. Эта роль, которую играло Олонхо в жизни древнего человека, оказалась настолько масштабной, что никакой культурный феномен современности не в силах заменить его. Современному человеку остается только создать структурные аналогии.

Литература

1. *Антонов Н.К.* Заметки об эпосе якутов. // Советская тюркология. 1974, №1, стр.27.
2. *Габышева Л.Л.* Этикет исполнения олонхо. // Полярная звезда. 2002, № 2, стр.92.
3. *Емельянов Н.В., Петров В.Т.* Якутский героический эпос «Кыыс Дэбиллийэ». // Якутский героический эпос «Кыыс Дэбиллийэ». Новосибирск, 1993, стр.19.
4. *Кривошапко Г.М.* Музыкальная культура якутского народа. Якутск, 1982, стр.9.
5. *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986, стр.34.
6. *Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968, стр.235.
7. *Пухов И.* Якутские олонхо и эпос алтайцев. // Полярная звезда. 1970, № 3, стр.118.
8. Республиканская целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо» на 2009-2011годы и ее основных направлений до 2015 года. С.6 – 7.
9. *Решетникова А.П.* Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск, 2005, стр.408.
10. *Сорошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993.
11. *Сорошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993, стр.592.
12. *Сидоров Е.С.* Восточные мотивы якутских олонхо. // Актуальные проблемы филологии. Выпуск 3. Якутск, 200, стр.127.
13. *Уткин К.Д.* Мифологические основы якутских олонхо. Якутск, 1994.
14. *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, стр.366.
15. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.